

*Бабушкам и дедушкам, нашим рулевым,
которые научили нас понимать, что такое дом,
и направляют нас в дальних плаваниях.*

Может, я и постарела, волосы мои поседели, а глаза не так остры, как раньше, но память у меня по-прежнему цепкая. Я поведаю вам о том, что случилось давным-давно, когда мой Цирк желаний гремел на весь мир. Назвала я его так потому, что и взрослые, и дети желают одного — чуда, и я исполняла их желания. И, надо сказать, преуспела в этом. Я бороздила моря и океаны, странствовала по горам и по долам, и каждое встреченное лицо непременно озаряла улыбка. Много я повидала, однако лишь она одна оставила в моей жизни неизгладимый след. Моя звёздочка, моя Стелла.

Когда я впервые её увидела, она была тощей девчушкой, длинноносой и востроглазой. Ничего особенного.

Я обнаружила её в трюме корабля, направлявшегося в далёкую Америку. Она пряталась в бочке с оливками,

но мне так и не удалось выпытать, как она там очутилась. Я спрашивала вновь и вновь, пока пыталась отмыть въевшийся в её кожу запах рассола, но все мои вопросы остались без ответа, и я отступилась, чтобы не сотрясать воздух попусту.

Я решила, что она глухонемая сирота и надо её приютить.

Однако глаза её говорили громче всяких слов.

В цирке есть золотое правило: у хозяйки не должно быть любимчиков, потому что ревность вредит общему делу.

Когда я заметила назревающее недовольство из-за того, что этот тщедушный паучок целыми днями бездельничает, да ещё и ест за четверых, то быстро приняла меры — поручила Стелле полировать клоунские носы.

Артисты продолжали отпускать грубые шуточки, но она невозмутимо делала своё дело.

На закате она выходила на палубу, садилась на фальшборт и болтала ногами, свесив их наружу. И с улыбкой любовалась звёздами до тех пор, пока не приходило время ложиться спать.

Из-за этого её пристрастия — впрочем, иных у неё не было — я, недолго думая, и назвала её Стеллой, то есть Звездой.

— Что же из тебя выйдет, Стелла? — спросила я как-то ночью, глядя её кудри.

Конечно, я не ждала ответа. Просто хотела нарушить молчание.

— Канатоходка! — раздался вдруг звонкий голосок.

Я оглянулась, пытаюсь понять, кто это сказал, но никого, кроме нас двоих, не увидела. У меня такого звонкого голоска сроду не было.

— Ты что же, разговариваешь? — изумилась я.

— Конечно! С чего ты взяла, что нет?

— Может, с того, что за несколько недель ты не сказала ни слова?

— Просто ты не задала ни одного вопроса, на который мне захотелось бы ответить, — парировала Стелла. — Что же, большая цирковая начальница, смогу я стать канатоходкой?

Я оценивающе оглядела её длинные худые ноги и узкие стопы.

— Возможно. Но придётся потрудиться. Ходить по канату — не забава. Хотя зачем я тебе всё это говорю? По твоему взгляду ясно, что зря я заливаюсь соловьём. В этом возрасте кажется, что всё по плечу, и хочется всего и сразу.

— Я не такая, как остальные.

— Неужели? Чем же ты от них отличаешься?

— Чувством равновесия.

— Оно есть у всех детей.

— Но не такое, как у меня!

— Почему ты так хочешь стать канатоходкой?

— Чтобы дотянуться до звёзд.

— Думаешь, если пройдёшь по верёвке толщиной в палец, тебе это удастся?

— Кто знает... — ответила Стелла. — Зависит от пальца.

И не успела я её остановить, как она вскочила на фальш-борт.

— Начну тренироваться прямо сейчас! — воскликнула она, раскинув руки для равновесия.

Она напоминала птенца, который вот-вот взлетит. Но она была не птенцом, а незащитным ребёнком, и под её ногами бурлили чёрные волны, которые вспарывал острый нос корабля.

— Спускайся немедленно! — в ужасе приказала я.

Я хотела позвать кого-нибудь на помощь, но мы были одни под холодным взглядом звёзд.

Тем временем моя малышка шаг за шагом грациозно ступала по скользкому фальшборту.

— Ну что, ты довольна? — спросила она, поклонившись.

Она ловко, как настоящая акробатка, спрыгнула на палубу, и я крепко прижала её к себе, хотя правильнее было бы отшлёпать и запереть в трюме.

— Ты меня напугала, — прошептала я. — Обещай так больше не делать!

Стелла взяла моё лицо в свои руки, и я ощутила их силу.

— Так что, есть у меня способности?

— Да, — сокрушённо признала я. — Ты прирождённая канатоходка. И несносная девчонка!

— Со вторым мы как-нибудь справимся, — ответила она и чмокнула меня в щёку.

С той ночи Стелла стала полноправным членом цирковой труппы.

Я раздобыла верёвку и натянула между двумя столбами, чтобы она могла тренироваться.

Однако эта конструкция занимала слишком много драгоценного места, что вызывало возмущение остальных.

Стелла ни на что не обращала внимания, только просила поднимать верёвку всё выше и выше.

— Довольно! Спускайся! — приказывала я, а у самой от её пируэтов сердце выпрыгивало из груди и дрожал бинокль, стиснутый в запотевших ладонях.

Поначалу Стелла подчинялась. Потом стала отвечать на мои приказы улыбкой — так выглядело её нежелание повиноваться. Я заподозрила, что худшее ещё впереди.

Поулыбавшись мне так какое-то время, Стелла решила больше не спускаться на землю. Угрозы сжечь столбы и бросить её обратно в бочку с оливками не возымели никакого действия. Она прекрасно чувствовала себя наверху, танцуя под взглядом небес.

И снова я сдалась и позволила ей поступать по-своему.

Прямо там, в вышине, Стелла и ела, и спала, и гладила облака. И репетировала загадочный номер, который хотела показать в Баия-Бланке и о котором никто из нас ничего не знал.

В Баия-Бланку, что в Южной Америке, мы приплыли знойным летним днём.

Весь город собрался в порту, чтобы увидеть тот самый Цирк желаний, что колесил со своими представлениями повсюду, вплоть до самых отдалённых деревень, и будоражил воображение взрослых и детей, властителей и бедняков.

DESIRS

PRIX-FIXE

888

Под зажигательную мелодию оркестра из чрева корабля на берег высыпали клоуны, жонглёры, факир, женщина-невидимка и остальные циркачи.

Зрители встретили нашу пёструю шумную компанию громкими аплодисментами, потому что для каждого мой цирк — это воплощение его мечты о дальних странствиях.

Вдруг воцарилась тишина, и я поняла, что на берег вышла моя Стелла.

Увидев, как она танцует на канате, люди остолбенели, будто им явился ангел. Даже наш оркестрик дал петуха и оборвал мелодию визгливой нотой.

Стелла и правда казалась небесным созданием. Она словно переняла у ветра его невесомые движения, пока жила у себя наверху.

Но не только это привлекло внимание толпы. На лбу Стеллы сияла маленькая звёздочка! Она была такой же миниатюрной, как и сама девочка, и мерцала в такт её шагам.

Лишь когда Стелла скрылась за поворотом дороги, к зрителям вернулся дар речи, и они захлопали в ладоши. А в воздухе ещё долго витал запах оливок.

Тем вечером зрители ждали номер Стеллы с таким нетерпением, словно он был единственным. Мы убрали купол шатра, чтобы она выступала на фоне звёздного неба — ей это особенно нравилось. Наконец свет погас.

Никогда ещё никто не танцевал, как она. И звёздочка на её лбу позволяла нам следить за ней, даже когда она поднималась на недостижимую высоту.

Стелла вложила всю свою душу в этот танец. И когда снова зажглись огни, я была далеко не единственной, у кого в глазах стояли слёзы. Все в восторге вскочили на ноги.

Но на тех, кто выступал после неё, зрители уже не обращали внимания. Из-за этого-то всё и пошло наперекосяк.

После того вечера имя Стеллы облетело и Южную, и Северную Америку, и люди были готовы ехать за тридевять земель, лишь бы увидеть её выступление. Мне это было только на руку — я подняла цены на билеты. Как говорят в моих краях, поймай удачу за хвост и запри в клетке.

Но даже если я и любила Стеллу больше всего на свете, нельзя было требовать того же от остальных. Циркачи почувствовали себя брошенными и стали роптать.

Первым пожаловался Факир. В действительности его звали Рондò, это был грубоватый здоровяк, поперёк себя шире, весь в подпалинах от огня, который он выдувал.

— Кем она себя возомнила?! — заорал он, вваливаясь в мою гримёрку. — Я отказываюсь выступать после неё, публика на меня даже не смотрит!